

Петер Бенка

PhD, научный сотрудник, кафедры словацкой истории, философский факультет, Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе, Братислава, Словакия. 814 99, Šafárikovo námestie 6.
E-mail: peter.benka@uniba.sk

Много языков — один город: вольные королевские города Верхней Венгрии

В венгерском обществе раннего Нового времени сосуществовало несколько разных языков. Это особенно справедливо в отношении населения вольных королевских городов, где носители разных языков общались друг с другом в относительно небольшом пространстве. В статье рассматривается положение вольных королевских городов Верхней Венгрии. Бюргерство, в особенности местные элиты, возникшие и оформившиеся в позднее Средневековье, поддерживали немецкую культурную и языковую идентичность. Более того, в своих политических представлениях они отводили особую роль идеалам коммунальной гармонии и единства. В то же время города были открыты для иммиграции новых жителей, которые в большинстве случаев были не немецкого происхождения и, таким образом, представляли угрозу для сложившейся социальной гармонии. Ответом на сложившуюся ситуацию стал ряд мер, варьирувавшихся от постепенной интеграции пришельцев в культурную ткань городской коммуны до карательных мер, направленных на недопущение тех, кто не имел необходимых языковых компетенций, к ключевым политическим и экономическим должностям. Важную роль здесь играла Реформация, требовавшая более широкого использования локальных языков в богослужении. В статье также рассматривается косвенное влияние более общих политических процессов на социолингвистическую ситуацию на низовом уровне.

Ключевые слова: вольные королевские города Верхней Венгрии, городские коммуны раннего Нового времени, многоязычие, историческая социолингвистика, использование местных языков

Haec ciuitas [Cassouia], non minus pulchra quam munita est, ciuilitate et incolarum comitate, inclyta, olim frequens emporium, quo non modo Hungari, sed etiam Poloni & pleraque aliae Septentrionis nationes confluebant. Lingua utuntur pene Saxonica. <...> Huic Cassouiae, vicinae sunt Ciuitates aliae liberae: Eperies, Leuchouia, Barthfa, Sibinum: omnes inter loca montosa sitae, quarum incolae eadem, qua Cassouiani utuntur lingua¹.

В первой половине XVI в. Миклош Олах (1493–1568), один из наиболее значительных венгерских ученых-гуманистов своего времени, представил частично идеализированное описание своей родины, в то время раздираемой конфликтами. В сочинении, которое он весьма характерно назвал «*Hungaria et Attila*» («Венгрия и Аттила»), он, с одной стороны, привел географическое описание современного ему королевства, с другой стороны — вспоминал его славное прошлое. Описывая вольные королевские города Верхней Венгрии², наибольшее внимание автор уделит г. Кашша, экономическому и военно-политическому центру региона. Остальные города, то есть Эперьеш, Лёче, Бартфа и Кишсебен, упоминаются в труде скорее фоном к уже представленному описанию главного города области³. При этом он заметил, что для всех описанных им городов характерна одна общая черта: их жители говорят на немецком, точнее, на саксонском языке (*lingua saxonica*). По крайней мере, так языковая ситуация в данных городах выглядела в глазах внешнего наблюдателя. Более тщательное изучение жизни общества в отдельных королевских

¹ *Olahus N. Hungaria et Attila sive de originibus gentis, Regni Hungariae situ, habitu, opportunitatibus et rebus bello paceque ab Attila gesti libri duo* / ed. A. F. Kollarus. Vindobonae: Trattner, 1763. P. 49.

² Термин «Верхняя Венгрия» (*Hungaria Superior*) в тексте употребляется в значении, принятом у современников. В раннее Новое время этим наименованием обозначали территорию северо-восточной части Венгерского королевства (примерно современная территория восточной Словакии, северо-западной Венгрии и Подкарпатской Руси), относящиеся к одноименному военному капитанату и финансово-административной области Сепешской казенной палаты, центром обоих был город Кашша. Эволюцию использования данного названия см. в неопубликованной диссертационной работе: Halaga 1958.

³ Названия городов на территории Венгерского королевства в тексте приводятся в венгерском написании. Список исторических географических названий см. в конце статьи (*прим. редкол.*).

городах, однако, показывает, что языковой узус был более пестрым. Политический идеал единства и сплоченности городского сообщества, столь характерный для той эпохи, отражался в том числе во взглядах на языковую практику, однако сама реальность городской жизни нередко противоречила этому.

В последние десятилетия феномен языка стал в значительной степени предметом исторических исследований. Если прежде ученые занимались скорее собственно лингвистическим анализом, а также описанием эволюции языковой системы, в наше время под влиянием социолингвистики больше внимания уделяется изучению языка в реальном употреблении. Уже стали классическими многочисленные работы британского историка Питера Бёрка, в которых он подчеркнул значимость так называемой исторической социолингвистики и социальной истории языка⁴. Особенно интересным и перспективным представляется проведение такого рода исследований на материале из областей, где на малой территории было противопоставлено не просто несколько вариантов одного и того же языка, но сразу несколько различных языков, существенно отличающихся друг от друга.

Вместе с тем необходимо помнить, что в рамках каждого языка в широком смысле слова существовало, как и сегодня, множество отдельных подсистем, жаргонов и т. п., которые сами по себе выполняли различные социальные и культурные функции. На уровне отдельного пользователя в повседневной практике употребление конкретного языка / языкового идиома зависело от множества факторов, причем не только от образования и языкового опыта индивидуума⁵.

Тем самым язык, выполняя коммуникативную функцию, посредством конкретного своего варианта и его использования в той или иной ситуации передавал определенную информацию. Излишне напоминать, что еще в раннее Новое время люди в определенной степени, сознательно или бессознательно, понимали важную роль языка для формирования и поддержания коллективной идентичности.

⁴ Burke 2004; Burke, Porter (eds.) 1987. Впоследствии Бёрк обозначил многие проблемы, а также способы их решения на примере голландского языка, см.: Burke 2005. Значение так называемого «обращения к языку» (*linguistic turn*) для историографии подчеркнул, например, в инаугурационной лекции при вступлении в должность королевского профессора Р. Эванс. См.: Evans 1998.

⁵ Введением в проблематику социолингвистических исследований может послужить, например.: Trudgill 2004.

Столь же значительная роль приписывалась языку в сфере политики. Обычно в исследованиях, где рассматривается главным образом язык как *politicum*, принято цитировать слова ученых-гуманистов о том, что империя и язык шагают рука об руку, и развитие одного способствует процветанию другого. Открытыми, однако, остаются вопросы, до какой степени подобные рассуждения интеллектуалов находили воплощение в области практической политики и в какой мере соответствующая сфера располагала средствами для эффективного применения формулировок на практике⁶.

Мультиэтническим (и мультилингвальным) характером Венгерское королевство раннего Нового времени дает ученому интересный материал для исследования вопросов, связанных с языковым узусом. Городские сообщества представляют в рамках данного королевства еще более специфический феномен, поскольку на небольшой и сравнительно четко обозначенной территории мы находим языковое разнообразие в его концентрированной форме, что отметили и сами современники⁷. Предметом анализа в данной статье является функционирование союза пяти вольных городов Верхней Венгрии, который образовывали города Кашша, Лёче, Эперьеш, Бартфа и Кишсегбен. В целях защиты своих экономических и политических прав они уже с XV в. тесно сотрудничали друг с другом. Их взаимодействие проявилось в первую очередь в проведении общих собраний, на которых вырабатывалась консолидированная политика по актуальным вопросам и где посланники от городов, стремясь повысить свое влияние, старались выработать коллективные решения, общие для всех собравшихся. Несмотря на это, между ними существовали разногласия, происходили конфликты, и практические результаты таких решений оказывались скромными⁸.

⁶ Различные аспекты проблемы рассматриваются на примере отдельных стран в коллективном труде: Nicklas, Schnettger (Hrsg.) 2007.

⁷ Об этом см., например, высказывание евангелического проповедника Якоба Глатца: «Ни в одной другой стране нет такой мешанины различных народов, религий, образа мыслей, привычек, добродетелей и ошибок, как в Венгрии. Язык, на котором говорят в центре города, не используется на окраинах, там говорят по-немецки, тут — на славянском». Цит. по: *Glatz J. Freymüthige Bemerkungen eines Ungars über sein Vaterland: Auf einer Reise durch einige Ungarische Provinzen. Teutschland* [i. e. Gotha]: [Ettinger], 1799. S. 4. Об авторе см.: Adam, Schelander (Hrsg.) 2010.

⁸ Союз городов уже в ту эпоху назывался Пятиградье (*Pentapolis*), после включения в него во второй половине XVII в. Кешмарка он превратился в Шестиградье, см.:

Со времен высокого Средневековья сообщества горожан формировались по корпоративному принципу. В Венгрии уже в последующую эпоху они приобретали корпоративную идентичность, обусловленную их положением в правовой системе королевства⁹. Ее появление было связано со временем возникновения городских сообществ и получением от венгерских королей со второй половины XIII в. привилегий коммуна́м так называемых госпитов (*hospites*), то есть колонистов в первую очередь из немецкоговорящих областей Священной Римской империи. В течение последующих столетий некоторые из этих коммун добились широких прав в экономической, правовой и политической сферах. Для сообщества (*universitas*) городов при этом с самого начала идеалом было хотя бы номинальное равенство в правах и совместная защита интересов в рамках политической реальности той эпохи.

Важной стала необходимость единства жителей города в противостоянии с внешним миром, стремление к гармонии внутри сообщества, потребность в различных (главным образом в юридических) документах, создаваемых в городской среде. Вольные королевские города со времен Средневековья стремились выделяться как в физическом, так и в интеллектуальном плане. С одной стороны, важным фактором их топографии становились городские укрепления, которые, помимо своей основной функции, символически отделяли их от деревенского «тыла». С другой стороны, на уровне социальной организации они позиционировались как сообщества горожан, то есть людей, которые соответствовали определенным критериям, приобрели городские права (права горожан), и стали тем самым полноправными членами коммуны с правом активного участия в осуществлении властных полномочий¹⁰. С приходом эпохи гуманизма на данную средневековую основу на уровне политической имагологии дополнительно наслаивалось подражание античной политической (республиканской) традиции¹¹.

Halaga 1982. Об этих городах в контексте венгерской городской политики см.: Nemet 2004.

⁹ Špiesz 1976.

¹⁰ Характерно, что в исследуемый период города Центральной и Восточной Европы трактуются как «закрытые сообщества», см.: Miller 2006.

¹¹ Важную роль в распространении политических идеалов гуманизма в городских коммунах региона сыграл Валентин Эк, ученый-гуманист, который был направлен

Во главе городского самоуправления стоял фогт (лат. *iudex*, нем. *Richter*), сама должность в данном случае указывает на основы института с правами осуществления судебной власти в коммуне поселенцев. Вокруг него формировался обычно городской совет в составе 12 членов (лат. *iurati, assessores*, позднее *senatores*). Данная основная структура дополнялась также другими органами власти, в свободных королевских городах это был расширенный городской совет (*centum viri*), который, несмотря на латинское обозначение («сто человек»), имел разное количество членов в зависимости от города и эпохи. В более сложных ситуациях в политическую жизнь включались также остальные горожане¹².

Реальность, однако, зачастую противоречила декларируемым идеям. В случае, если разногласия переходили определенную черту, возникали кризисные ситуации. Дело в том, что не каждый обитатель городского пространства автоматически становился обладателем прав горожанина, и даже те, кто таковыми располагал, на деле в разной степени участвовали в самоуправлении. Городское сообщество в раннее Новое время — равно как и население в целом — было внутренне существенно дифференцировано, при этом отдельные элементы имели неравновесное влияние на развитие сообщества как целостности. В политическом плане привилегированное положение имели все обладатели городских прав, которые, по крайней мере, теоретически располагали возможностью активного и пассивного участия в самоуправлении.

На практике доминировали представители местной элиты, которых можно выделить на основании нескольких критериев. В первую очередь речь идет об их экономическом и социальном положении. В целом можно утверждать, что степень политической активности и вес, которым тот или иной индивидуум пользовался в обществе, были прямо пропорциональны размеру его имущества, особенно в период социальной и экономической стабильности. При этом во время значительных перемен, которые отражались в том числе на имущественных взаимоотношениях членов городского сообщества, на этой почве могли возникать конфликты¹³.

в Бартфу в качестве учителя в городской школе, впоследствии стал нотариусом, а затем бургомистром. См.: Kiss 2010.

¹² Szeghyová 2013.

¹³ Miller 2006b.

С тех пор, как в центральноевропейское муниципальное пространство стали проникать гуманизм и Реформация, к городской элите можно причислить также образованные круги. В течение XVI в. в их число вошли протестантские священники, которые, в отличие от служителей традиционной церкви (по крайней мере теоретически), были гораздо более связаны со светскими институтами. Вольные королевские города Верхней Венгрии достаточно быстро отреагировали на происходившее в Священной Римской империи, и уже в первой половине XVI в. отдельные сообщества приступили к модификации своей духовной жизни в реформатском, лютеровско-меланхтоновском ключе. Протестантские священники могли создавать семьи, что приводило к формированию династий, в которых интеллектуальный труд наследовался из поколения в поколение¹⁴. Их члены оказывали непосредственное влияние на формирование идеалов и духовного мировоззрения горожан. В силу семейных связей с представителями старой городской элиты новые священники живо участвовали в решении городских дел¹⁵.

Элита участвовала в городской жизни не только благодаря активной политической деятельности, но и при помощи целенаправленных социальных механизмов. Она имела в сообществе положение и пользовалась всеобщим уважением, ее представители в основном косвенным образом решали, какие культурные модели поведения — к каковым относится в том числе использование языка — будут иметь преимущества и станут инструментом, позволяющим достичь определенного статуса. Путем имитации (как средства) данные образцы распространялись также на низшие слои общественной иерархии и в результате могли стать средством социальной мобильности¹⁶.

¹⁴ Феномен специфического «состояния» лютеранских священников в раннее Новое время уже привлекал внимание исследователей, см., например: Kaufmann 2006: 303–322. Также см. тематическое исследование: Karant-Nunn 1979.

¹⁵ На примере вольных королевских городов Верхней Венгрии см.: Marešková 2000; Marešková 2012. В европейском контексте (в частности, на примере Священной Римской империи) см.: Brady 1998.

¹⁶ Данное явление можно обнаружить и в других регионах, где городская среда, по крайней мере ее элита, в культурном и языковом отношении существенно отличалась от большинства окружающего населения. Например, в Причерноморье функцию элиты выполняли греческие торговцы, при этом повышение социального престижа для болгарских пришельцев означало в первую очередь их «эллинизацию»,

Как уже было упомянуто, большинство городских сообществ Венгерского королевства в правовом плане происходили от коммун переселенцев — по большей части выходцев из немецкоговорящих областей Священной Римской империи, которые наиболее активно стали переселяться на территорию королевства во второй половине XIII в. Следует, однако, отметить, что часто эти новые, привилегированные поселения возникали вблизи уже существовавших населенных пунктов. Для многих королевских городов тем самым можно уже с их возникновения предполагать определенную языковую и этническую двойственность жителей и выделить в них немецкие привилегированные коммуны и автохтонную словацкую часть. Со временем оба подмножества стали сливаться в одно целое, в котором объединялись немецкий внутренний город и словацкие предместья, иногда кварталы. Из налоговых реестров позднего Средневековья мы узнаем о существовании улиц с обозначением «Словацкая» (лат. *platea Slavorum*, нем. *Windischgasse*). Историки, как правило, трактуют их как реликты прежних структур, отсылающих к эпохе возникновения привилегированных городских сообществ¹⁷.

Несмотря на такого рода дуализм, характерный для городов со времени их возникновения, уже в Средние века в отдельных сообществах установилось доминантное и престижное положение немецкой культурной и языковой идентичности. В конце концов, первое наделение правами напрямую относилось к немецким переселенцам, тем самым слияние городской сословной и немецкой культурной идентичностей неувидительно. В демографическом плане такие небольшие городские коммуны, какие существовали в Верхней Венгрии, не были настолько стабильными, и потому естественным образом были подвержены иммиграции извне¹⁸. Традиционно новые жители прибывали либо из других городских общин Венгерского королевства, либо из регионов с немецким населением — из окрестных (например Сепеш/Ципс/Спиш), либо расположенных в других провинциях (особенно из Силезии, но также из иных областей). Кроме того, горожанами становились переселенцы из ближайших окрестностей конкретного города. То, что не все горожане были немецкого

см.: Русев 2014. Выражаю благодарность д-ру К. Голеву из Болгарской академии наук, который обратил мое внимание на это явление.

¹⁷ Halaga 1967.

¹⁸ Miller 2006a: 58–78.

происхождения, по крайней мере в XV–XVI вв., подтверждают данные сохранившихся налоговых реестров городского населения — при именах некоторых жителей встречаются этнические идентификаторы, практически выполнявшие функцию фамилии, например «*Sclavus*», «*Windisch*», «*Unger*», «*Polack*», «*Walach*» и др.¹⁹ К примеру, в Бартфе, которая с возникновения поддерживала интенсивные торговые связи с Польшей, еще в начале XVII в. наиболее частотная фамилия в налоговых реестрах представляла собой варианты слова «*Poliak*»/«поляк»²⁰.

При анализе данного феномена следует, однако, учитывать относительность его соответствия реальным фактам, поскольку в некоторых случаях подобные обозначения могли фигурировать, к примеру, как прозвища²¹. Точно так же речь могла идти о внешней идентификации, с которой сам носитель имени необязательно отождествлял себя. Несмотря на это, подобные явления свидетельствуют о том, что «не-немецкость» воспринималась как нечто необычное, отличающееся от общих ожиданий. Кроме того, в упомянутых налоговых реестрах отсутствуют какие-либо маркеры в форме фамилий, которые номинально отсылали бы к немецкой идентичности.

Немецкий язык и происхождение зачастую оставались важными факторами в политической и экономической жизни городов, как минимум до конца XVII в. В подтверждение можно привести эксплицитную формулировку из г. Сепешсомбат, который хотя и не входил в союз Пятиграда, но находился в том же регионе и в культурном отношении был тесно связан с прочими коммунами. В 1520 г. там было принято распоряжение, согласно которому словак по происхождению мог стать горожанином только в случае, если он сможет защитить самого себя перед судом²².

¹⁹ Налоговые реестры первой половины XV в. опубликованы: Magyarországi városok régi számadáskönyvei. (Selmeczbánya, Pozsony, Besztercebánya, Nagyszombat, Sopron, Bártfa és Körmöczbánya városok levéltáraiból.) / szerk. L. Fejérpataky Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1885. 684 old.

²⁰ Marečková 1978: 98 (pozn. 6).

²¹ Проблему определения идентичности на основании формы написания имен и фамилий в позднем Средневековье рассматривает Šedivý 2017.

²² MV SR. ŠA PO. Pracoviško Poprad. F. Magistrát mesta Spišská Sobota, Markbuch oder primär Register 1579–1930. Šk. 1. Fol. 225: «Anno 1520 ist beschlossen worden keinen wündischen in diese gemeine vor einen Bürger auff, und anzunehmen, der sich vor gericht nicht selbsten vereden kann». См.: Malovcová 2001/2002.

О том, что знание и использование немецкого языка считалось важным в том числе среди жителей Союза пяти городов, свидетельствует постановление совместного заседания городских представителей от 1571 г. В п. 14 указано, что все города, входящие в союз, обязуются поддерживать и использовать немецкий язык²³. При этом никак не оговорено, что послужило причиной подобного решения, а также каким образом оно воплощалось на практике. Тем не менее это можно расценивать как попытку проведения языковой политики.

Более радикальные требования содержатся в уставах многих ремесленных цехов Лёче. Их членом мог стать лишь тот, кто не только продемонстрировал знание немецкого языка, но и подтвердил свое немецкое происхождение. Поэтому потенциально заинтересованным словацким, польским либо венгерским ремесленникам не позволялось принимать участие в экономической жизни города, поскольку заниматься тем или иным ремеслом было позволено лишь членам соответствующего цеха²⁴.

Известно разбирательство, происходившее в Бартфе в 20-е годы XVI в. Два горожанина, Шимон Ганковски и Лукаш Кишин (Парвус), подали жалобу в королевский суд, так как им запрещали варить пиво, а это занятие в данной коммуне разрешалось только горожанам, обладавшим полными правами. В качестве обоснования запрета члены общества заявили, что истцы не владели немецким языком²⁵. Именно в городском сообществе Бартфы во второй половине 20-х годов XVI в. комплекс политических, экономических и религиозных проблем достиг максимального напряжения. В конце концов городской совет в 1530 г. добился от нового венгерского короля — императора Священной Римской империи Фердинанда I Габсбурга (1526–1564 гг.) постановления, согласно которому словакам и полякам было вообще запрещено переезжать на жительство в город. В качестве довода для такого радикального шага приводились различия в языке и нравах, которые могли привести к разобщенности и конфликтам в самом

²³ MV SR. ŠA PO — pracovisko Spišský archív Levoča. F. Magistrát mesta Levoča, XIII/80: «Über der Teütttschen sprach in Stetten treülich und vleissig zuhalten».

²⁴ Suchý 1974: 286–287. Szende 2009.

²⁵ ŠA PO — pracovisko Bardejov. F. Magistrát mesta Bardejov, sign. 5385 (mandát Eudovíta II. zo 16. marca 1525): «Fidelium nostrorum circumspectorum Simonis Hankowsky et Luce Kyschyn inhabitatorum dicte ciuitatis, <...> quod essent ignorantes lingue Alemane a Braxatione et educillacione ceruisie prohibuissetis».

городском сообществе²⁶. В одном из пунктов данного документа эксплицитно выражается мнение, согласно которому язык переплетается с нравственностью и специфической идентичностью.

Все упомянутые меры были направлены на ограничение свободы индивида, что наводит на мысль: социальная мобильность в городских сообществах была для людей не немецкого происхождения существенно затруднена, если вообще возможна. При этом не каждое поставленное условие оказывалось на практике непреодолимым, и не каждое распоряжение выполнялось неукоснительно. Отдельные городские сообщества на практике выглядят более гибкими. Например, в случае с Бартфой не думается, чтобы принятый запрет как-то последовательно претворялся в жизнь. Уже десятилетием позже, в 1543 г., тот же самый император подтвердил более давние привилегии конца XV в., согласно которым подданным из окрестностей позволялось переселяться в город²⁷. Здесь снова можно обратить внимание на уже упомянутую распространенность фамилии «*Poliak*» в начале XVII в.²⁸

В жизни городских сообществ существовали сферы, где гибкость в языковом вопросе была необходима. Например, судебная практика. Об этом свидетельствует постановление городского совета Эперьеша от 1557 г., согласно которому адвокат либо его представитель во время судебного заседания должен был использовать тот же язык, что и обвиняемый, чтобы не возникло недоразумений²⁹. В 1641 г. городской суд в Бартфе отказался принять жалобу местного дворянина Ференца Расливици на венгерском языке. Подателя жалобы вызвали в суд, дабы тот обеспечил ее прочтение на каком-то из более приемлемых языков — с учетом языка, на котором говорил обвиняемый, — в данном случае на словацком либо на латинском³⁰. Кроме того, определенную роль мог играть и тот факт, что жители Бартфы

²⁶ ŠA PO — pracovisko Bardejov. F. Magistrát mesta Bardejov, sign. 6416: «Quemadmodum inter eos iam sepius ob diuersitatem linguarum et nacionum graues fuissent orte dissensiones, fierent eciam modo ex quibus non solum damna sed eciam pericula aliqua communitati euenire tinerent. <...> Predictas duas naciones polonos scilicet et Sclavos ab ingressu morandi et habitandi vt prefertur causa civitatem durante nostro beneplacito: prohibendi habeant potestatem». Опубликовано в: Janota 1862: 142–143.

²⁷ Janota 1862: 141–142.

²⁸ См. прим. 20.

²⁹ Szeghyová 2016: 73.

³⁰ ŠA PO — pracovisko Bardejov. F. Magistrát mesta Bardejov. Knihy, sign. 48 (Magistrátny protokol, 1641–1645). S. 52.

в конкретную эпоху и в конкретном регионе уже сильно ассоциировали носителей венгерского языка и дворянское сословие, которое представляло для городов конкуренцию в политической и экономической области. Даже в сфере экономики ситуация не всегда развивалась столь драматично для ненемецких кандидатов, как это теоретически предполагалось в приведенных примерах. На практике часто существовали исключения, и в цеха, особенно в более открытых городах, каковым был, к примеру, Эперьеш, принимались также ремесленники не немецкого происхождения³¹.

При этом люди, происходившие из иной среды, выучив язык и приняв соответствующие обычаи, могли продвинуться в городском сообществе на более высокие позиции. Об этом свидетельствуют отдельные случаи иноязычных переселенцев или их потомков, овладевших немецким языком и ведущих образ жизни, отвечающий немецкому духу города, что позволило им добиться значительного веса в экономической и политической сферах. Это, естественно, не означало, что они целиком отказались от использования родного языка, они могли говорить на нем в разных ситуациях. В советах городской элиты при этом заседали люди, для которых было важно владение двумя или даже несколькими языками, в том числе и те, для кого немецкий язык был родным. Уже в раннее Новое время в городе родители следили за тем, чтобы их дети освоили также другие языки, имеющие хождение в их среде. Здесь можно привести пример Иоганна Охерлана, горожанина из Бартфы, сенатора и городского фогта рубежа XVII–XVIII вв., который вспоминал, что родители еще в детстве отправляли его на некоторое время в семейные виноградники в токайской области, чтобы там, он, помимо прочего, научился также говорить по-венгерски³².

Специфический случай представляет собой г. Кашша, и не только исключительным положением органов власти. В то время как в остальных городах Верхней Венгрии до конца XVII в. доминирующее положение занимала немецкая элита и в коммунах господствовала немецкая культура, Кашша в начале XVI в. оказалась в более сложной ситуации. Там, равно как в остальных городах, в Средневековье

³¹ Bodnárová, Domenová 2017: 241.

³² Archív Cirkevného zboru ECAV Bardejov. Diarium Ioanni Ocherlani. [шифр и пагинация отсутствуют]. О подобной неформальной практике обучения языку см., например: Kovács 2009.

местная элита и значительная часть горожан были преимущественно немцами, однако уже в эпоху позднего Средневековья — равно как в соседнем Эперьеше — там, наряду со словацкой, существовала также венгерская коммуна. Их внутреннее развитие еще более осложнилось политическими и военными процессами в Венгерском королевстве после битвы 1526 г. при Мохаче. В 1536 г. Кашша попала под контроль Яноша Запольяи (1487–1540 гг.) — конкурента Фердинанда I Габсбурга в борьбе за венгерскую корону. Смена власти заставила эмигрировать около десяти наиболее влиятельных горожан немецкого происхождения, сторонников Фердинанда Габсбурга, которые были на ключевых постах заменены приверженцами Запольяи, многие из которых считали себя венграми. Вновь под скипетр Габсбургов город перешел только в 1552 г., и вместе с габсбургской властью туда вернулись и представители немецких купеческих семейств³³. Такие пертурбации вели к конфликтам, в том числе и в более позднюю эпоху. Поэтому неудивительно, что в городских уставах второй половины XVI — начала XVII в. подчеркивалась необходимость гармоничного сосуществования и сотрудничества между носителями обоих языков. Один из документов сравнивает горожан, говорящих по-немецки и по-венгерски, с командой одного корабля — в их общих интересах взаимодействовать так, чтобы не потопить друг друга³⁴. В этом проявилось стремление к уже упомянутому идеалу единства и кооперации горожан, что в реальных условиях не единожды осложнялось языковыми различиями, которые в Кашше присутствовали более явно, нежели в иных городах.

Важной сферой городской жизни, на которую оказывала влияние языковая практика, были церковные связи. Уже со времен позднего Средневековья известны отрывочные сведения из городов Верхней Венгрии о том, что у каждой из языковых коммун был свой проповедник. С распространением реформационных учений, появление которых было вызвано, среди прочего, необходимостью введения богослужения на языке Священной Римской империи, данная практика перешла на качественно новый уровень. В протоколах церковных

³³ Németh 2007: 150–151; Halaga 1982b.

³⁴ МНЖН: Corpus Staturom. T. 2. Pars 2. (Statuta et articuli municipiorum Hungariae) / ed. S. Kolosvári, K. Óvári. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1890. P. 148–149 (Artikel, 1607): «Weil beide Nationen gleichsam in einem Schiff sein, guts und böses mit einander aszstehen müssen: Concordia enim parvae res crescunt, discordia maxima dilabuntur».

собраний Союза Пятиградья, равно как и в городских уставах, зафиксировано требование реформирования религиозной жизни для того, чтобы донести содержание веры — в том числе это касалось литургии, религиозных текстов и духовного образования — на понятном языке³⁵. Во всех городах, помимо основной должности пастора, были введены также должности его помощников, владеющих отдельными языками. Известно о немецких и словацких проповедниках в Бартфе, Лёче и Кишсебене. В Эперьеше и Кашше появились проповедники для верующих, говоривших по-венгерски³⁶. Таким образом повышался символический статус языков, носители которых прежде часто ограничивались в правах городскими сообществами. Они непосредственно внутри сообществ переходили из сугубо частной сферы на официальный и сакральный уровень.

Такие перемены происходили и под воздействием внешних обстоятельств. Показательным здесь опять является пример Кашши. В первой половине XVII в. город вновь на несколько десятилетий перешел из сферы влияния Габсбургов под власть трансильванских воевод. Связь с Потисьем и Трансильванией вела к усилению венгерского элемента в городских коммунах, а венгерский язык начал заменять немецкий в городской администрации и среди элиты. Менее драматичные изменения происходили в начале XVII в. в Лёче. Известен старый текст присяги времен императора Матиаса (1612–1619 гг.; венгерский король Матяш II (1608–1618 гг.)), которую новоиспеченные горожане приносили на словацком языке. Можно предположить, что такой сдвиг в публичном использовании словацкого языка в городском сообществе стал возможным под влиянием решений Венгерского государственного собрания, которое в 1608 г. уравнило в правах словацких и венгерских горожан с немецкими³⁷.

Наиболее значительное повышение общественного статуса словацкого языка в городах Верхней Венгрии произошло, однако, только

³⁵ В статьях середины XVI в. во втором пункте указано: «*Ceremoniae peragantur eo sermone, quem omnes intelligunt ut omnia cedant, ad aedificationem ecclesiae*». См.: Magyar protestáns egyháztörténeti adattár / szerk. E. Thury. Budapest: Magyar protestáns irodalmi társaság, 1908. Vol. 7. 14. old. Проблема происхождения и датировки документов рассматривается в: Csepregi 2013: 319–333.

³⁶ В случае Кашши, к примеру, акцент делался на проповедь Евангелия: «*Klar und rein, Deuttsch, Hungerisch, und Wyndisch*». См.: МНЖН. Corpus Statutorum. Т. 2. Pars 2. P. 95 (Articuli electae communitatis, 1563).

³⁷ Suchý 1974: 288–289; Štolc, Horváth 1951.

в конце XVII в. Именно тогда структура городского самоуправления в политической и экономической областях начала разрушаться под непосредственным влиянием императорского двора и его институтов, проводивших централизацию³⁸. Это влекло за собой ослабление старой городской немецкой элиты, а с ней и социальных механизмов, которые до тех пор функционировали в сообществах. Многие представители старых родов, будучи евангеликами (лютеранами), оказались в новом политическом контексте не востребованы, их отстраняли от власти. Соответственно открывалось пространство для новых горожан, в числе которых находились те, что не были столь тесно связаны с культурным и языковым микрокосмосом городских сообществ. Это, в свою очередь, означало, что соответствующие языки все чаще начинали употребляться в официальной сфере. В последующую эпоху, к примеру, гораздо больше представлены словацкие тексты присяг, и это касалось не только новых горожан, но и введения старых в муниципальные органы власти³⁹.

На примере вольных королевских городов Верхней Венгрии можно наблюдать, что использование языков здесь, равно как и в других регионах, определялось совокупностью факторов. Речь идет не только о том, какой язык квалифицировался каждым отдельным индивидуумом в качестве родного. Важной здесь также была символическая и практическая роль, которую играл тот или иной язык. Так, употребление одного — в случае городов немецкого — открывало путь к продвижению по социальной лестнице, часто даже непосредственно его обуславливало. В свою очередь, горожанин, не будучи немцем по происхождению, после того как занимал более высокое положение в обществе, мог косвенно, а при определенных обстоятельствах и напрямую способствовать повышению престижа своего родного языка. В период Реформации специфические варианты некоторых языков приобретали определенную степень сакрализации, им открывалась дальнейшая возможность влиять на социальную сферу. Прочитанное в качестве эпиграфа утверждение Миклоша Олаха о том, что горожане говорили на «саксонском» языке, одновременно и справедливо, и нет. С одной стороны, мы видели, что городские сообщества

³⁸ Németh 2014: 443–448; Németh 2009.

³⁹ Benka 2018. Тексты опубликованы в: *Monumenta Linguae Slovacae*. Vol. II: *Prísazné formuly zo 16.–18. storočia* / ed. P. Benka, M. Homza, P. Žigo. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2018. 381 p.

Верхней Венгрии в XV–XVII в. сами себя идентифицировали в качестве немецких, и их представители стремились сохранить этот статус. С другой стороны, повседневная жизнь и самая сущность конкретных сообществ приносили с собой различные вызовы, вынуждавшие их участников искать решения, часто в форме компромиссов, ради практической пользы общего дела. В каждой конкретной ситуации любой из языков или его вариант не терял функцию средства общения. Если индивид располагал несколькими подобными средствами, это играло ему лишь на пользу. (Не)использование того или иного языка в конечном счете зависело от общей оценки ситуации и выгоды либо риска, который могли получить пользователи.

Перевод со словацкого Д. Ю. Ващенко

Список исторических географических названий

Бартфа — ныне Бардеёв в Словакии, в немецкой традиции Бартфельд
 Кашша — ныне Кошице в Словакии, в немецкой традиции Кашау
 Кешмарк — ныне Кежмарок в Словакии, в немецкой традиции Кэзмарк
 Кишсебен — ныне Сабинов в Словакии, в немецкой традиции Цебен
 Лёче — ныне Левоча в Словакии, в немецкой традиции Лойчау
 Сепеш — ныне Спиш в Словакии, в немецкой традиции Ципс
 Сепешсомбат — ныне Спишска Собота в Словакии, в немецкой традиции
 Георгенберг
 Эперьеш — ныне Прешов в Словакии, в немецкой традиции Эпериес

Список сокращений

MŇJH — Monumenta Hungariae Juridico-Historica
 MV SR — Ministerstvo vnútra Slovenskej republiky, Bratislava
 ŠA PO — Štátny archív Prešov

Литература

- Русев 2014 — *Русев И.* Бяла и районът в ранния османски период (XV–XIX в.). По въпроса за етническия произход на местното население // Приноси към историята на град Бяла. От древността до 1878 г./съст. и ред. В. Йотов. Варна: Онгъл, 2014. С. 237–310.
- Adam, Schelander (eds.) 2010 — Jakob Glatz. Theologe — Pädagoge — Schriftsteller / hrsg. von G. Adam, R. Schelander. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 123 S.

- Benka 2018 — *Benka P.* Mestské prísahy v Bardejove v ranom novoveku ako prameň kultúrnych a sociálnych dejín // *Historický časopis*. 2018. R. 66. Č. 1. S. 27–54.
- Bodnárová, Domenová 2017 — *Bodnárová M., Domenová M.* Prešov od stredoveku do konca 16. storočia // *Dejiny Prešova / zos. P. Kónya*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2017. T. 1. S. 137–294.
- Brady 1998 — *Brady Th.A.* Communities, politics, and Reformation in early modern Europe. Leiden: Brill, 1998. 494 p.
- Burke 2004 — *Burke P.* Languages and communities in early modern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 210 p.
- Burke 2005 — *Burke P.* Towards a social history of early modern Dutch. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. 36 p.
- Burke, Porter (eds.) 1987 — The social history of language / ed. by P. Burke, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 219 p.
- Csepregi 2013 — *Csepregi Z.* A reformáció nyelve. Tanulmányok a magyarországi reformáció első negyedszázadának vizsgálatá alapján. Budapest: Balassi kiadó, 2013. 560 old.
- Evans 1998 — *Evans R.J.W.* The Language of history and the history of language: An inaugural lecture. Oxford: Oxford University Press, 1998. 34 p.
- Halaga 1958 — *Halaga O.R.* Košická administratívna oblasť za feudalizmu. Košice, 1958. 159 s. (рукопись).
- Halaga 1967 — *Halaga O.R.* «Ius Scavorum» a «Platea Scavorum» stredovekých miest Uhorska // *Historické štúdie*. 1967. R. 12. S. 123–153.
- Halaga 1982a — *Halaga O.R.* Pentapolis — ostslowakische Städtegemeinschaft und ihre Handwerkerbünde // *Městské právo v 16. – 18. století v Evropě / red. K. Malý*. Praha: Univerzita Karlova, 1982. S. 41–52.
- Halaga 1982b — *Halaga O.R.* Vývoj jazykovo-národnostnej štruktúry Košíc // *Historický časopis*. 1982. R. 30. Č. 4. S. 3–20.
- Janota 1862 — *Janota E.* Badyjóv. Historiczno-topograficzny opis miasta i okolicy. Kraków: Drukarnia c. k. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1862. 222 s.
- Karant-Nunn 1979 — *Karant-Nunn S.C.* Luther's pastors: The Reformation in the Ernestine countryside. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1979. 79 p.
- Kaufmann 2006 — *Kaufmann Th.* Konfession und Kultur: Lutherischer Protestantismus in der zweiten Hälfte des Reformationsjahrhunderts. Tübingen: Mohr Siebeck, 2006, 522 S.
- Kiss 2010 — *Kiss F.G.* Humanist ethics and urban patriotism in Upper Hungary in the early sixteenth century (Valentin Eck's *De Reipublicae Administratione*) // Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe / ed. by B. Trencséni, M. Zászkaliczky. Leiden: Brill, 2010. P. 131–148.

- Kovács 2009 — *Kovács T.* Das Debrecener reformierte Kollegium und die Deutsche Sprache: Sprachstudium in zielsprachiger Umgebung // «Nezameniteľné je dedičstvo otcov» / zos. P. Kónya. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 2009. S. 349–360.
- Malovcová 2001/2002 — *Malovcová B.* Vznik a charakter najstaršej zachovanej spiškosobotskej mestskej knihy z rokov 1579–1930 // *Z minulosti Spiša: Ročenka Spišského dejepisného spolku v Levoči* / red. F. Žifčák. Levoča: Spišský dejepisný spolok, 2001/2002. R. 9–10. S. 119–129.
- Marečková 1978 — *Marečková M.* Spoločenská štruktúra Bardějova v I. polovine XVII. storočia. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 1978. 227 s.
- Marečková 2000 — *Marečková M.* Sociálna štruktúra Bardějova v prvej polovine 17. storočia a majetkové pomery evanjelických duchovných // Prvé augsburské vyznanie viery na Slovensku a Bardejov / zos. P. Kónya. Prešov: Biskupský Úrad Východného Dištriktu Evanjelickej Cirkvi A. V. na Slovensku, 2000. S. 93–98.
- Marečková 2012 — *Marečková M.* Spoločenské postavenie duchovných vo východoslovenských mestech v 17. storočí // *Historia Ecclesiastica*. 2012. R. 3. Č. 1. S. 77–83.
- Miller 2006a — *Miller J.* Uzavřená společnost a její nepřátelé: Město středovýchodní Evropy (1500–1700). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2006. 464 s.
- Miller 2006b — *Miller J.* Problém integrity: Úvaha o sociálních konfliktech v raněnovověkých městech a městské autonomii v kontextu reformace // *Historický časopis*. 2006. R. 54. Č. 3. S. 385–418.
- Németh 2004 — *Németh I.H.* Várospolitika és gazdaságpolitika a 16. – 17. századi Magyarországon: 2 köt. Budapest: Gondolat, 2004. 921 old.
- Németh 2007 — *Németh I.H.* Städte zwischen zwei Königen: die politische Aktivität des oberungarischen Städtebundes zwischen 1526 und 1536 // *Maria von Ungarn (1505–1558): Eine Renaissancefürstin* / hrsg. von M. Fuchs, O. Réthelyi. Münster: Aschendorff, 2007. S. 133–152.
- Németh 2009 — *Németh I.H.* Pre-modern state urban policy at a turning point in the Kingdom of Hungary: The elections to the town council // *Urban elections and decision-making in early modern Europe, 1500–1800* / ed. by R. Schlögl. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing. P. 276–299.
- Németh 2014 — *Németh I.H.* Unterdrückung oder Reform. Die Rekatholisierung in den ungarischen königlichen Freistädten // *Město v převratech konfesionalizace v 15. až 18. storočí* / red. V. Ledvinka. Praha: Scriptorium, 2014. S. 435–450.
- Nicklas, Schnettger (Hrsg.) 2007 — *Politik und Sprache im frühneuzeitlichen Europa* / hrsg. von T. Nicklas, M. Schnettger. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2007. 184 S.
- Szeghyová 2013 — *Szeghyová B.* Úradníci a zamestnanci súdnej samosprávy v mestách Pentapolitany v 16. storočí // *Historické štúdie*. 2013. R. 47. S. 73–88.

- Szeghyová 2016 — *Szeghyová B.* Súdnicтво a súdna prax v mestách Pentapolitany v 16. storočí. Bratislava: VEDA, 2016. 188 s.
- Šedivý 2017 — *Šedivý J.* Poučenie z krízového vývoja v stredovekej scholastike alebo esej o nás stredovekároch // *Forum Historiae*. 2017. R. 1. URL: <http://forumhistoriae.sk/documents/10180/67648/Sedivy.pdf> (дата обращения: 15.11.2019).
- Špiesz 1976 — *Špiesz A.* Panovnícka moc a mestská samospráva vo východnej časti strednej Európy za feudalizmu // *Historický časopis*. 1976. R. 24. Č. 4. S. 497–515.
- Štolc, Horváth, 1951 — *Štolc J., Horváth P.* Levočské prísazné formuly zo XVI. — XIX. storočia // *Jazykovedný zborník Slovenskej akadémie vied a umení* / red. Š. Peciar. Bratislava: Nakladateľstvo SAVU, 1951. S. 190–196.
- Suchý 1974 — *Suchý M.* Dejiny Levoče, 1. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1974. 399 s.
- Szende 2009 — *Szende K.* Integration through language. The multilingual character of late medieval Hungarian towns // *Segregation – integration – assimilation. Religious and ethnic groups in the medieval towns of Central and Eastern Europe* / ed. by D. Keene, B. Nagy, K. Szende. Farnham: Ashgate, 2009. P. 205–233.
- Trudgill 2000 — *Trudgill P.* Sociolinguistics: An introduction to language and society. London: Penguin Books, 2000. 240 p.

References

- Adam, G., Schelander, R., eds., 2010. *Jakob Glatz. Theologe – Pädagoge – Schriftsteller*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 123 p.
- Benka, P., 2018. Mestské prísahy v Bardejove v ranom novoveku ako prameň kultúrnych a sociálnych dejín. *Historický časopis*, 66, 1, pp. 27–54.
- Bodnárová, M., Domenová, M., 2017. Prešov od stredoveku do konca 16. storočia. In: Kónya P., ed. *Dejiny Prešova*, 1. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, pp. 137–294.
- Brady, Th.A., 1998. *Communities, politics, and Reformation in early modern Europe*. Leiden: Brill, 494 p.
- Burke, P., 2004. *Languages and communities in early modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 210 p.
- Burke, P., 2005. *Towards a social history of early modern Dutch*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 36 p.
- Burke, P., Porter, R., eds., 1987. *The social history of language*. Cambridge: Cambridge University Press, 219 p.
- Csepregi, Z., 2013. *A reformáció nyelve. Tanulmányok a magyarországi reformáció első negyedszázadának vizsgálatára alapján*. Budapest: Balassi kiadó, 560 p.

- Evans, R. J. W., 1998. *The language of history and the history of language: An inaugural lecture*. Oxford: Oxford University Press, 34 p.
- Halaga, O. R., 1958. *Košická administratívna oblasť za feudalizmu*. Košice, 1958. 159 p. (manuscript).
- Halaga, O. R., 1967. "Ius Sclavorum" a "Platea Sclavorum" stredovekých miest Uhorska. *Historické štúdie*, 12, pp. 123–153.
- Halaga, O. R., 1982. Pentapolis — ostslowakische Städttegemeinschaft und ihre Handwekerbünde. In: Malý, K., ed. *Městské právo v 16. — 18. století v Evropě*. Praha: Univerzita Karlova, pp. 41–52.
- Janota, E., 1862. *Bardujów. Historiczno-topograficzny opis miasta i okolicy*. Kraków: Drukarnia c. k. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 222 p.
- Karant-Nunn, S. C., 1979. *Luther's pastors: The Reformation in the Ernestine countryside*. Philadelphia: The American Philosophical Society, 79 p.
- Kaufmann, Th., 2006. *Konfession und Kultur: Lutherischer Protestantismus in der zweiten Hälfte des Reformationsjahrhunderts*. Tübingen: Mohr Siebeck, 522 p.
- Kiss, F. G., 2010. Humanist ethics and urban patriotism in Upper Hungary in the early sixteenth century (Valentin Eck's De Reipublicae Administratione). In: Trencsényi, B., Zászkaliczky, M., eds. *Whose love of which country? composite States, National Histories and Patriotic Discourses in Early Modern East Central Europe*. Leiden: Brill, pp. 131–148.
- Kovács, T., 2009. Das Debrecener reformierte Kollegium und die Deutsche Sprache: Sprachstudium in zielsprachiger Umgebung. In: Kónya, P., ed. *"Nezameniteľné je dedičstvo otcov"*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, pp. 349–360.
- Malovcová, B., 2001/2002. Vznik a charakter najstaršej zachovanej spiškosobotskej mestskej knihy z rokov 1579–1930. In: Žifčák, F., ed. *Z minulosti Spiša: Ročenka Spišského dejepisného spolku v Levoči*. Levoča: Spišský dejepisný spolok, 9–10, pp. 119–129.
- Marečková, M., 1978. *Spoločenská štruktúra Bardějova v I. polovine XVII. storočia*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně, 227 p.
- Marečková, M., 2000. Sociální štruktúra Bardějova v prvej polovine 17. storočia a majetkové pomery evanjelických duchovných. In: Kónya, P., ed. *Prvé augsburské vyznanie viery na Slovensku a Bardejov*. Prešov: Biskupský Úrad Východného Dištriktu Evanjelickej Cirkvi A. V. na Slovensku, pp. 93–98.
- Marečková, M., 2012. Spoločenské postavenie duchovných vo východoslovenských mestech v 17. storočí. *Historia Ecclesiastica*, 3 (1), pp. 77–83.
- Miller, J., 2006a. Uzavřená společnost a její nepřátelé: Město středovýchodní Evropy (1500–1700). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 464 p.
- Miller, J., 2006b. Problém integrity: Úvaha o sociálních konfliktech v raněnovověkých městech a městské autonomii v kontextu reformace. *Historický časopis*, 54 (3), pp. 385–418.

- Németh, I. H., 2004. *Várospolitikai és gazdaságpolitika a 16. – 17. századi Magyarországon*: 2 vols. Budapest: Gondolat, 921 p.
- Németh, I. H., 2007. Städte zwischen zwei Königen: die politische Aktivität des oberungarischen Städtebundes zwischen 1526 und 1536. In: Fuchs, M., Réthelyi, O., eds. *Maria von Ungarn (1505–1558): Eine Renaissancefürstin*. Münster: Aschendorff, pp. 133–152.
- Németh, I. H., 2009. Pre-modern state urban policy at a turning point in the Kingdom of Hungary: The elections to the town council. In: Schlögl, R., ed. *Urban elections and decision-making in early modern Europe, 1500–1800*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, pp. 276–299.
- Németh, I. H., 2014. Unterdrückung oder Reform. Die Rekatholisierung in den ungarischen königlichen Freistädten. In: Ledvinka, V., ed. *Město v převratech konfesionalizace v 15. až 18. století*. Praha: Scriptorium, pp. 435–450.
- Nicklas, T., Schnettger, M., eds., 2007. *Politik und Sprache im frühneuzeitlichen Europa*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 184 p.
- Rusev, I., 2014. Byala i rayonat v ranniya osmanski period (XV–XIX v.). Po vaprosa za etnicheskiya proizhod na mestnoto naselenie [Byala and the region in the early Ottoman period (from the fifteenth to the nineteenth century). On the ethnic origin of the local population]. In: Yotov, V., ed. *Prinosi kam istoriyata na grad Byala. Ot drevnostta do 1878 g.* [Contributions to the history of Byala. From antiquity to 1878]. Varna: Ongal, pp. 237–310.
- Šedivý, J., 2017. Poučenie z krízového vývoja v stredovekej scholastike alebo esej o nás stredovekárach. *Forum Historiae*, 1. URL: <http://forumhistoriae.sk/documents/10180/67648/Sedivy.pdf> (accessed: 15.11.2019).
- Špiesz, A., 1976. Panovnícka moc a mestská samospráva vo východnej časti strednej Európy za feudalizmu. *Historický časopis*, 24, 4, pp. 497–515.
- Štolc, J., Horváth, P., 1951. Levočské prísahné formuly zo XVI. – XIX. storočia. *Jazykovedný zborník Slovenskej akadémie vied a umení* / red. Š. Peciar. Bratislava: Nakladateľstvo SAVU, pp. 190–196.
- Suchý, M., 1974. *Dejiny Levoče*, 1. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 399 p.
- Trudgill, P., 2000. *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. London: Penguin Books. 240 p.
- Szende, K., 2009. Integration through language. The multilingual character of late medieval Hungarian towns. In: Keene, D., Nagy, B., Szende, K., eds. *Segregation – integration – assimilation. Religious and ethnic groups in the medieval towns of Central and Eastern Europe*. Farnham: Ashgate, pp. 205–233.
- Szeghyová, B., 2013. Úradníci a zamestnanci súdnej samosprávy v mestách Pentapolitany v 16. storočí. *Historické štúdie*, 47, pp. 73–88.
- Szeghyová, B., 2016. *Súdnictvo a súdna prax v mestách Pentapolitany v 16. storočí*. Bratislava: VEDA, 2016. 188 p.

Peter Benka

PhD, Researcher, Department of Slovak History, Faculty of Arts, Comenius University in Bratislava, Bratislava, Slovakia. 814 99, Šafárikovo námestie 6. E-mail: peter.benka@uniba.sk

Many languages — one town: royal free towns of Upper Hungary

Early modern Hungarian society was characterised by the presence of multiple different languages. This was especially true for the kingdom's urban communities where speakers of various tongues encountered each other in relatively small physical spaces. In this paper, the case of the Upper Hungarian royal free towns is discussed. As a result of the towns' origins and late medieval development, the communities of burghers, and especially local elites, tended to cultivate their German cultural and linguistic identities. Moreover, in their political imagination, an especially important role was played by the ideals of communal harmony and unity. However, each of the towns was opened to the immigration of new inhabitants, who in many cases were people of non-German origin, and who thus presented potential sources of disharmony. Various measures were therefore developed to address the situation, ranging from the gradual integration of newcomers into the cultural fabric of every community to punitive measures aimed at excluding those ignorant of a specific language from positions of economic or political influence. An important phenomenon occurred with the Reformation with its stress on more prominent use of vernacular language in worship. The mainly indirect impact of larger political developments on the local sociolinguistic situation is also mentioned.

Keywords: royal free towns of Upper Hungary, early modern urban communities, multilingualism, historical sociolinguistics, use of vernacular